

Татьяна Абалова

НЕЖНЫЕ
ОБЪЯТИЯ
ЛЬДА

Татьяна Абалова

Нежные объятия льда. Правдивая история Белоснежки

<https://litres.ru/73981861>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я попала в сказку и теперь мое имя Белоснежка. Вроде бы все идет по привычным канонам: отцу не до дочери, злая мачеха завидует моей красоте, а яблоки «добрых» старушек опасны. Но что-то не сходится. Сюжет явно уводит в сторону, и я уже не уверена, что прекрасного принца стоит ждать. Кажется, пришла пора позаботиться о себе самой. Ну и о том незнакомце, на которого мачеха положила глаз.

Инструкция для попаданок в сказку:

- Не строй иллюзий, что история тебе знакома. Есть нюансы;
- Не паникуй, когда сюжет меняет направление;
- Будь осторожна с героями, которых прежде в сказке не было;
- Берегись, если мачеха выбрала тот же объект любви;
- Минутка рекламы: где купить фанфары для свадебной церемонии.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	49
Глава 7	58
Глава 8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Татьяна Абалова Нежные объятия льда. Правдивая история Белоснежки

Глава 1

Зимние праздники – это всегда ожидание чуда. И я верила, что так оно и будет. Мы с ребятами из группы собирались встретить Новый год на лыжной базе нашего универа, и, конечно же, у меня была куча планов, чтобы сделать эту неделю запоминающейся. В список, обязательный к исполнению, входили: веселье, танцы, легкий флирт и даже тайные поцелуи – куда без них?

– Слышала, Данила Соловьев тоже едет? Один! – толкнула меня плечом подруга.

Мое сердце пропустило удар.

Мы шли вдоль бутиков, выставивших за стеклянными витринами вечерние наряды. Всюду царили блеск и серебро. Улицу пересекали переливающиеся на ветру гирлянды, лилась трогаящая душу новогодняя музыка, и приятно пахло мандаринами, что только добавляло настроения. Вокруг ни

одного хмурого лица.

– А как же Ульяна? – я сделал вид, что новость меня не волнует.

С Соловьевым мы давно посматривали друг на друга, встречаясь в длинных коридорах учебного корпуса. Даже здоровались, но не шли на сближение. На то была причина. Я знала, что у него есть девушка, поэтому не смела подойти и заговорить. Я не из разлучниц.

– Уже месяц, как разбежались.

– Давай зайдем в этот бутик, – я развернула Оксанку и подтолкнула к входу, заприметив на витрине платье красного цвета. То, что надо, чтобы чувствовать себя королевой новогодней вечеринки. Теперь у меня был особый интерес выглядеть сногшибательно. Я, Аня Голубкина, во чтобы то ни стало завоюю внимание Данилы Соловьева.

Но все пошло не по плану. И виной тому был «Черный бриллиант», который я нашла на пороге дома в день отъезда. Нет, моя находка не относилась к драгоценностям. Это было яблоко редкого сорта, имеющее черно–фиолетовую кожу и белую сочную мякоть. Пришлось порыться в интернете, чтобы понять, что за подарок я получила. И главное, от кого.

Яблоко лежало в красивой прозрачной коробочке, перевязанной красным бантом. Под узлом пристроилась живая роза, и лежала открытка, на которой золотом было выведено «С Новым счастьем, милая!».

Узнав, что такие яблоки растут в высокогорных районах

Тибета, я поняла, что его прислали родители, ведь Хайнань, куда они уехали встречать Новый год, – это тоже Китай. Я посматривала на подарок, пока собирала сумку и сушила после купания волосы. Никак не могла решить: взять с собой, где пришлось бы разделить яблоко на всех, или съесть самой.

В ожидании такси, я все же раскрыла упаковку, посчитав, что счастья пожелали мне одной, а значит, не стоит его дробить. Наскоро помыв яблоко, я откусила большой кусок. Закрыла глаза, чтобы почувствовать редкий иноземный вкус. И... ничего необычного не почувствовала. Кисло–сладкое, как те с красным бочком, что росли у бабушки в саду.

Чтобы счастьем не пропадать, торопливо съела яблоко до тоненького огрызка. Швырнула его в мусорное ведро, а когда развернулась, чтобы быстро одеться и выскочить на улицу к ждущему такси, врезалась головой в дверной косяк.

В глазах потемнело, и я со стоном схватилась за голову. Хороша же я буду с синяком на пол–лица. Вечно, когда торопишься, что–нибудь случается. Замычав от боли, я протянула руку, чтобы нащупать полотенце и смочить его в холодной воде, но наткнулась на нечто мягкое, мерно вздымающееся и похожее на ощупь на дородную женскую грудь.

– Убери ладонь от лица, милая, – услышала я приятный голос. – Дай посмотреть, что она с тобой сделала. Чем на этот раз?

Я опустила руку и распахнула один глаз. Второй уже не открывался. Передо мной стояла дородная женщина в огром-

ном чепце и накрахмаленном белом фартуке. Лоснящееся от пота лицо выглядело добродушным, а в небольших голубых глазках светилось беспокойство.

– Кто вы?! – выдохнула я и огляделась. Я находилась в помещении, напоминающем средневековую кухню. Каменные стены были уставлены грубыми шкафами под потолок, а на огромном очаге кипел подвешенный на крюк котел.

– Абель, быстро принеси снега! – крикнула незнакомка, поворачивая голову куда-то в сторону.

Мальчишка, чистящий овощи, бросил нож и метнулся к двери. В кухню клубами ворвался холодный воздух.

– Совсем ведьма стыд потеряла. Вот приедет ваш батюшка и спросит, отчего на вас живого места нет. И кто тогда ответ держать будет? Пора бы ему уже в родные края наведаться, пока Урсула неродную дочь со свету не сжила.

– Какой батюшка? – выдохнула я, схватившись за горло. Сердце от испуга стучало там.

– Ваш, милая, ваш. К Новому году обещался наведаться. Если, конечно, норды на границе вновь пакость не затеют. Бога у них нет, вот и не почитают людские законы. Варвары.

Я поискала глазами стул, но нашла только скамейку, стоящую у разделочного стола. Опустилась на нее, чтобы не грохнуться на каменный пол, густо устланный грязной соломой.

Голова закружилась, а к горлу подступала тошнота, когда я увидела, во что одета. На мне было коричневое платье в пол, шерстяной платок, перетягивающий грудь накрест,

на ногах вязанные полосатые носки и деревянные башмаки. Грубые и неудобные. Я вытянула ногу и задрала подол, чтобы убедиться, что управляю «этим» телом.

Прибежал мальчишка, принес в ведерке снег. Незнакомка сбила его в лепешку, шмякнула мне на лицо и велела держать.

– Где я? – спросила я, чувствуя, как немеют от холода пальцы и половина лица. Снег таял и неприятно стекал по шее за ворот.

– Да что с вами сегодня? – всплеснула руками кухарка. И снова позвала мальчишку, который только сел на скамеечку, чтобы продолжить чистить овощи. – Абель, беги за лекарем. Кажись, в это раз мачеха все же погубила нашу Белоснежку.

Загрохотала металлическая посуда, посыпавшись на пол. Это я схватилась за край стола, пытаюсь удержать сознание при себе. Но не получилось. Чернота опустилась непроницаемым покрывалом.

– Ничего опасного, – услышала я старческий скрипучий голос. – Это все от жидкости, скопившейся в голове. Она давит на мозг и отключает доли, ответственные за память. Ей полегчает, как только мы пустим кровь...

Я открыла единственный целый глаз и нашла себя лежащей на кровати. Рядом сидел седой лекарь в просторной хламиде, черной шапочке и с очками без дужек на носу. Он держал меня за руку, собираясь сделать надрез. Его пальцы были холодными. Он не видел, что я пришла в себя, так как

выбирал, каким ножом вспороть мне вену. Они лежали на выдавшей вида замшевой подложке с кармашками для каждого ужасного на вид инструмента.

– Не надо мне пускать кровь! – я резко отдернула руку и шустро забила в дальний угол кровати. Достаточно большой, чтобы эскулап до меня не дотянулся. – Вы даже не удосужились термически обработать инструменты. Может, вы этим ножом колбасу резали? Или препарировали труп?

Доктор уставился на меня, открыв рот. В стеклышках очков плясал огонек свечи.

– Я же говорю, она не в себе, – кухарка промокнула краешком фартука покрасневшие глаза. – Никого не узнает.

– Даже вас, тетушка Ида? – лекарь не выпускал меня из поля зрения.

Он раздумывал, как поступить. Вряд ли у него хватило бы сил справиться со мной, а вот двое они вполне могли меня уделать. На всякий случай старик положил нож на место, опасаясь порезаться в пылу скручивания строптивой пациентки.

Я взяла на заметку, как зовут кухарку. Женщина выглядела словоохотливой и доброй. В незнакомом месте лучше сразу обзавестись информатором, чтобы не набивать шишки на каждом шагу.

– Даже меня! Вы бы видели, как у нее выпучились глаза, когда я заговорила с ней... Вернее, глаз, – поправилась тетушка Ида, виновато посмотрев мне в лицо. – Словно перед

ней вырос демон, а мы находимся не на кухне, а в преисподней.

Кухарка говорила так эмоционально, что ее чепец съехал на бок и из-под него выбились кудряшки цвета ржавчины. Она торопливо заправила их назад.

– М-да. Сложный случай, – выдал старик. Сняв очки, он подышал на стекла и протер тряпицей, извлеченной из саквояжа.

– Милая, это же наш разлюбезный гер Брюнольф. Идите сюда, он плохого не сделает...

Кухарка протянула руку и поманила меня пальцами. Она изобразила на лице фальшивую улыбку. Ее страшило мое поведение. Иде хотелось, чтобы странная история с неузнаванием близких поскорее закончилась. Кухарка свято верила, что выкачанный из меня литр крови в этом поможет.

– Я отказываюсь от кровопускания. Вполне достаточно холодного компресса, – подала голос я. – И пожалуйста, оставьте меня одну. Мне нужно подумать.

У меня не было времени на размышления, но быстрый анализ ситуации подсказал, что я вижу сон, в котором попала в сказку. А как иначе, если меня называют Белоснежкой? Боль на лице тоже легко объяснима. Я же реально ударилась головой.

– Но... – начал было гер Брюнольф.

Я тут же оборвала его.

– Нет! Уходите, – чтобы смягчить резкость, более миро-

любовно добавила: – Не сегодня.

Он поджал губы и быстро собрал инструменты.

– Если девочке будет хуже, немедленно зовите меня, – прошептал он, обращаясь к дородной служанке. Поджавшая губы тетушка Ида заговорщицки сощурила глаза и коротко кивнула.

Доктор, ссутулившись, пошаркал к двери. Казалось, что у него под хламидой сложены крылья, отчего он выглядел, как старый ворон.

– Может, хотя бы молочка принести? – спросила кухарка, с жалостью глядя на меня.

Живот, в котором с раннего утра не было ни крошки, активно забурчал. Я глянула в окно – за ним царила темень.

– Молока можно, – согласилась я, выбираясь из дальнего угла кровати.

– А булочку?

– И булочку.

– Вот и славно. Негоже голодной сидеть, – кухарка, сама похожая на сдобную булочку, посеменила к двери.

Оставшись одна, я спустилась с кровати и огляделась. Я искала зеркало. Если я белолицая брюнетка с красным бантиком в волосах, то точно вижу сон про Белоснежку. А ее, как помнится, ненавидела мачеха. Раз тетушка Ида в курсе, что рукоприкладство у приемной матери в привычке, значит, отношения «мачеха–падчерица» вошли в самую острую фазу. Не пора ли бежать, чтобы не быть убитой? Или отравлен-

ной?

Я хмыкнула, вспомнив, что мой «недуг» начался именно с яблока. А ведь я так и не узнала, кто его прислал с пожеланиями «нового счастья». Меня и старое вполне устраивало. Еще смущало, что я худо-бедно помнила ключевые моменты сказки, но не встретившихся мне второстепенных героев. Я сильно сомневалась, что в оригинале мачеху звали Урсолой. Разве такое имя не носила ведьма из «Русалочки»?

Зеркала нигде не было видно, а покидать комнату я опасалась, поэтому приступила к обыску. Заодно осмотрюсь, чем владею в чужом мире.

«Интересно, я так и лежу на полу на кухне или перебралась на диван? Таксист, наверное, ждал-ждал и уехал. И автобус без меня укатил на базу. Но может, оно и к лучшему, чем пугать народ разбитым лицом. И как меня угораздило?»

Глава 2

Занятая думами, я выдвигала ящики и перебирала простенькие вещи в гардеробе. Белоснежка однозначно не купалась в деньгах.

Зеркало я нашла. Небольшое и мутное. Снежка почему-то прятала его под тюфяком из соломы. А я была уверена, что королевские дочери спят на перинах. Хотя чему я удивляюсь? Сны на то и сны, что в них мало от реальности. Я негромко рассмеялась, поворачиваясь с зеркалом к свече. Здесь реальностью и не пахло. В сказке я или нет, верить ничему не стоит.

Когда я увидела свое отражение, то ужаснулась. Половина лица была, как у антисоциального элемента, подравшегося за чекушку. Но во второй части угадывалась я сама. А это было еще одно подтверждение, что я вижу сон: тетушка Ида нисколько не удивилась, что Снежка вдруг стала голубоглазой златовлаской.

В дверь постучали, и я сунула зеркальце назад под тюфяк. В комнату, не дождавшись приглашения, вошла красивая девушка, лет на пять старше меня. С толстой темной косой, скрученной короной на голове, с правильными чертами лица и гладкой кожей. Ее карие глаза лучились добротой и вниманием. Фигура тоже была что надо. На ней ладно сидело красивое платье из коричневого бархата, расшитого золо-

том. Незнакомка была так хороша, что я невольно залюбовалась.

– Как ты чувствуешь себя, милая? – спросила она ласково, опускаясь на краешек моей кровати. Я старалась держать голову так, чтобы она видела «целую» часть моего лица.

Только я хотела вежливо ответить, что обо мне не стоит беспокоиться, как в комнату вплыла тетушка Ида. Она покосилась на мою гостью, и я готова была поклясться, что в ее глазах мелькнул укор. Поставив поднос на стол, кухарка буркнула:

– Белоснежке нужно поесть. Гер Брюнольф прописал ей покой.

Я поднялась и заняла единственный стул. Комната не отличалась уютом и изысканностью. Скучный набор мебели. Все старое и потертое. Придвинув к себе чашку с молоком, я подула на пенку. Булочка еще была горячей и пахла так, что я сглотнула слюну.

– А что так? Неужели что-то серьезное? – гостья вскинула брови и перевела взгляд на меня, будто только сейчас заметила, как сильно перекошено мое лицо. – Милая, нужно быть осторожней, когда ты бегаешь по лестницам. Однажды ты можешь убиться.

– Спасибо за заботу, леди... – я сделала паузу, ожидая, что знакомка представится. Черные брови взлетели еще выше. Гостья перевела взгляд на тетушку Иду.

– Что с ней? – голос приобрел властные нотки.

– После того, как она вернулась от вас, госпожа... – кухарка замялась, но быстро нашлась: – После того, как ваша падчерица упала с лестницы, она не в себе. Никого не узнает. Должно быть, крепко треснулась головой.

– Ты и меня не узнаешь? А помнишь, чем закончился наш последний разговор? – спросила «госпожа», поднимаясь и подходя к столу. Наклонилась, вглядываясь мне в глаза, будто пыталась поймать на лжи.

– Нет, не помню, – мне не терпелось, чтобы она поскорей ушла. Я уже догадывалась, что вижу перед собой мачеху. Слишком молодую, чтобы заменить Белоснежке мать.

– Вот как? – она распрямилась. На ее лице мелькнула улыбка, которую она тут же погасила. – Очень жаль, что твой первый выход в свет отменяется. Как пойти на бал дебютанток с таким увечьем? Еще и с памятью беда. Что подумает король, когда заговорит с тобой? Ты хоть помнишь, кто наш король?

Я покачала головой, расстроившись за Белоснежку, которая наверняка готовилась к балу. Но разве она не была принцессой? Почему ее отец сражается на границе с нордами, а не проводит бал дебютанток?

«Я в какой-то неправильной сказке».

А что я хотела? Во снах бесполезно искать логику.

Мачеха вышла из комнаты. Кухарка побежала следом, но я резво поймала ее у двери. Закрыв ту перед ее носом, твердо произнесла:

– Нам нужно поговорить.

– Врет она, – тетушка Ида встала у стола, когда я потребовала, чтобы кухарка объяснила, что происходит. – Когда я кипятила молоко, на кухню зашла Ланца. Это ваша бывшая горничная. Так она призналась, что видела, как госпожа хлопнула вас по щеке. А у нее на руках перстни, и не удивительно, что они рассекли кожу. Она так сильно ударила, что вы кубарем полетели с лестницы. Как еще шею не сломали?

Воспользовавшись моментом, я наконец-то поела. Во время эмоционального рассказа кухарки в голове зудела мысль: а я точно Белоснежка? Нервная обстановка в доме смахивала на сказку о Золушке: дочь богатого человека вынуждена жить в тяжелых условиях, а всем в доме заправляет мачеха. И на бал Золушке запретили ехать. Если бы еще Урсула была постарше да имела двух дочерей...

– А где Ланца? Мне бы ее порасспрашивать, что произошло. Почему Урсула меня ударила? Мы ругались?

Ида с тревогой посмотрела на дверь и, сделав шагок ближе, наклонилась.

– Ей под страхом смерти не велено с вами разговаривать, – торопливо поделилась она.

– Почему? – я вскинула на кухарку глаза.

– Иначе ее выгонят со службы. А у Ланцы ребенок. И мать больная. Теперь она старшая горничная при госпоже, и получает немного больше денег.

– А где моя горничная?

– Нет у вас больше служанки. Не положено, – кухарка вздохнула и заговорила шепотом. – Урсула сначала из богатых покоев вас выселила под видом, что там полы будут менять. Потом драгоценности вашей маменьки забрала, мол, в ее тайнике сохраннее будут. А как увидела, что Ланца к вам с душой относится, и ту переманила.

Я задумчиво уставилась на огонек свечи.

Правильная сказка или неправильная, а мачеха Белоснежку со света сжить мечтает. Я поверила в слова Ланцы. Урсула намеренно целилась мне в лицо. Ей почему–то очень не хотелось, чтобы я попала на бал.

Я мысленно шикнула на себя. Я уже всю отождествляла себя с Белоснежкой. Так недолго поверить, что я попала в сказку. Правда, сказка эта была недоброй.

Кухарка в волнении мяла край фартука.

– Зря вы не согласились кровь пустить. Глядишь, завтра личико припудрили бы и отправились во дворец. Туда же со всего света съедутся женихи. Девушки нашего королевства считаются самыми красивыми, поэтому дебютанток разбирают чуть ли не в тот же вечер. Поговаривают, даже северный княжич с отцом приехал. Раньше заманить не могли, а тут, вроде бы, торговый договор подписывать будут. А чем дочь генерала не невеста для велероса?

Поговаривают? А слугам откуда о велеросах и торговых договорах известно? Подслушивают разговоры Урсулы? Кстати, а кто такие велеросы?

Но задала я совсем другой вопрос.

– А лет ему сколько?

– Кому? Княжичу? – простодушно переспросила Ида.

– Нет, генералу.

Кухарка возвела очи к потолку. Пошевелила губами, ведя мысленный подсчет.

– Если вы на свет появились, когда Его Сиятельству было сорок, а вам сейчас восемнадцать, то...

– Его Сиятельству?

– Ну да. Как еще сказать, если ваш батюшка – граф? Граф Шерб, – уточнила служанка на тот случай, если я не помню собственную фамилию.

Я кивнула, давая знать, что поняла. Мне двадцать, значит, Снежка младше меня на два года. Робкая, не умеющая постоять за себя девушка. Эх, разобраться бы со всем этим. Понять, куда настоящая дочь генерала делась. А вдруг она шею свернула, и Урсула ее тело под лестницу затащила? Если так, представляю, как она удивилась, что я жива!

О смерти Белоснежки думать не хотелось, но с такой злыдней всего можно было ожидать. А ведь как ласково пела! Сколько участия во взоре! Наверняка слуги ей донесли, что падчерица память потеряла. Вот и пришла проверить, разыграв для беспамятной «добрую родственницу».

Жаль, что я утром проснусь, и все приключения на этом закончатся. А завтра новогодняя ночь. Придется в одиночестве встречать. На базу с таким лицом не поедешь.

Я осторожно потрогала скулу и поморщилась. Больно.

– Где моя мама?

Простой вопрос почему–то кухарку смутил. Помявшись, она все же выдавила из себя:

– Заболела и умерла.

– Чем заболела? – я поняла, что именно здесь кроется секрет.

– Ей яблоко кто–то прислал. Очень редкое. Черного цвета. Вроде как для женского здоровья и красоты, – кухарка перешла на шепот. – Но ваша матушка на следующий день слегла. Ее тошнило чем–то черным. Кровопускания не помогали. Вам было всего одиннадцать, и генерал выписал дальнюю родственницу жены, чтобы ухаживала за госпожой Ингрид.

– Урсулу? – догадалась я.

Ида кивнула.

– А после похорон генерал сам не свой был. Тоска заела. Урсула и подсуетилась. Утешила. Ведь больше не за кем ухаживать, пора вещички собирать и домой ехать. Но как оставить богатый дом? Сказала, что ребеночка ждет, генерал и повел ее в храм.

– У меня есть брат или сестра? – я встрепенулась.

«Так вот в чем дело! Урсула ради своего ребенка старается».

– Нет. Ошиблась она. Уже сколько лет вместе, а дитя так и нет. Да и откуда ему взяться, если генерал больше по границам шастает, чем дома сидит?

– Он Урсулу любит?

Кухарка цокнула языком и посмотрела на меня, как на ду-
рочку.

– При вашей матери его так часто граница не звала. Чуете,
на что намекаю?

– Чую, – со вздохом ответила я и отпустила кухарку. Та
быстро собрала посуду и покинула комнату.

Жалко мне было Белоснежку. Пробралась в дом гадина и
выживает бедную сиротку.

Я посмотрела на расправленную постель. Пора было ло-
житься спать. Но если я сейчас усну, то утром окажусь дома,
и тайну исчезновения Белоснежки так и не узнаю. Вздохнув,
я надела башмаки и поспешила выйти из комнаты.

Побродив по запутанным коридорам, наткнулась на слугу.

– Где покои госпожи? – спросила я вытаращившегося на
меня пожилого мужчину.

Да, я помнила, что страшна лицом и пугаю людей вопро-
сами, ответы на которые Белоснежка должна знать, но не от-
крывать же мне все двери подряд, чтобы найти Урсулу?

– Налево по коридору и по лестнице вверх, – произнес он
и торопливо ушел.

Я подхватила юбки и поспешила к лестнице. Должно быть
именно с нее катилась бедная Белоснежка. Вопреки ожида-
ниям, я не попала в длинный коридор со множеством ком-
нат. Лестница выводила сразу в огромный холл. Что-то вро-
де гостиной.

Здесь все дышало богатством. Массивная мебель из белого дерева и изящные этажерки, уставленные шкатулками и статуэтками, дорогие ковры на полу и картины в тяжелых рамах на стенах. Множество диванчиков, кресел и пуфиков. Стол для игры в карты, камин с лепниной, на окнах тяжелые шторы.

Ярко горели люстры, но я не нашла ни одной свечи. Я не верила, что в средневековье возможно электричество, поэтому посчитала, что дело в волшебстве. В сказке жила магия, о которой я напрочь забыла. Интересно, а у меня есть способности? Правда, я не могла припомнить, чтобы Белоснежка обладала каким-нибудь даром.

Глава 3

На сознание так давила роскошь, которой близко не было там, где меня поселили, что мой запал искать справедливость улетучился. Мачехе было за что бороться, а Белоснежка явно стала той, кто не имел в собственном доме право голоса. Обидно за девочку, которой больше подошло бы имя Золушка. Спасибо, что меня хотя бы кастрюли чистить не заставляли.

– Я могу войти? – спросила я, сделав робкий шаг вперед.

Гостиная оказалась центральным помещением, куда имели выход еще три двери. Не услышав ответа, я прижала к груди сабо (побоялась грубыми башмаками испортить ковер) и подошла к ближайшей приоткрытой двери. Осторожно заглянула в комнату. Это была господская спальня. Такая же шикарная и кричащая золотом. Но и здесь мачехи не оказалось.

Тогда я отправилась к следующей двери и обнаружила еще одну спальню, на этот раз девичью.

– Так вот откуда выселили Белоснежку, – прошептала я, заметив наскоро скрученные ковры. На мой взгляд, милая комната в розовых тонах совсем не требовала ремонта. Урсула планомерно выживала девочку из дома.

Ну раз уж я пробралась сюда и меня некому остановить, то я решила исследовать последнюю комнату. Даже если за-

станут незваную гостью, что из того? Еще раз спустят с лестницы? Не получится. Я спортсменка и смогу постоять за себя. В конце концов, это мой дом, и я имею полное право ходить там, где захочу.

Я в который раз поймала себя на мысли, что думаю о себе, как о Белоснежке.

Третья комната представляла собой огромную гардеробную. В центре помещения на безголовых манекенах висели два чудесных бальных платья. Одно из тафты и кружев темно-синего цвета – явно сшитое для Урсулы, второе нежно-голубое из тончайшего, словно паутинка, шелка. Нетрудно было догадаться, что оно предназначалось для Белоснежки.

– Угу. Выходит, мачеха тоже готовилась к балу? – я обошла по кругу манекены. – Так вот почему она «исключила» падчерицу из игры. Боялась, что все внимание будет уделено девочке. Но она же замужняя дама! В чем интрига?

Я трезво оценивала свою внешность, поэтому не понимала, почему мачеха конкурировала с Белоснежкой, если та один в один походила на меня. Да, я была симпатичной девочкой с приятными чертами лица и спортивной фигурой. Я нравилась парням, но скорее за веселый нрав и легкость в общении, чем за красоту глаз или волос. Урсула же являлась канонической красавицей. И пока я не узнала ее ближе, откровенно восхищалась ею.

Я намеревалась уже покинуть комнату, когда услышала

голос мачехи. Но он доносился не из гостиной, а откуда-то из глубин гардеробной. Сначала я думала, что она разговаривает сама с собой, но потом различила второй голос, мужской. Я закусила губу.

Неужели мачеха изменяет мужу-генералу? Потом вспомнила, что в сказке есть волшебное зеркало, которое выступало беспристрастным экспертом красоты. Видимо, пришла нужда узнать, выиграла ли Урсула в конкурсе красоты после того, как изуродовала Белоснежку.

Я на цыпочках подошла к тому месту, где голоса звучали четче, и только приложила ухо к стене, как услышала приближающиеся шаги. С той стороны взялись за ручку потайной двери, и она с явным усилием начала отодвигаться в сторону. Я в панике заметалась и не нашла ничего лучшего, как нырнуть под пышную юбку одного из платьев на манекене.

– Тебе бы надо смазать дверь, – произнес мужской голос. – Механизм заржавел. Позови слуг.

– Чтобы все узнали, что я прячу в тайнике?

Неужели зеркало не только оценивало красоту мачехи, но и давало советы по быту? Или все же там прятался любовник?

Я затаила дыхание. По шагам поняла, что тайник покинула только Урсула. Она прошла в гостиную, закрыв дверь в гардеробную, но свет в помещении чудесным образом не погас. Повезло. Не хотела бы я оказаться в крошечной тьме. Но теперь предстояло придумать, как отсюда выбраться.

Оставив башмаки под платьем, я на цыпочках подошла к двери в гостиную и прислушалась к разговору. Мачеха отчитывала Ланцу. Та оправдывалась, что выходила на минутку, чтобы принести свежей воды. Я оглянулась на потайную дверь. Так любовник или волшебное зеркало?

Если мужчина не вышел следом за Урсулой, то он покинул гнездышко для свиданий через второй выход, а значит, я могу выскользнуть тем же путем. А если она разговаривала с умным зеркалом? Тогда ситуация сильно осложнялась. В любом случае, следовало проверить. Не сидеть же здесь до утра? Да и утром меня могли запросто обнаружить.

– Любопытной Варваре нос оторвали, – прошептала я, ругая себя за опрометчивый поступок. Легла бы спокойно спать и проснулась утром дома, так нет, захотелось справедливости.

В гостиной мачеха продолжала громко выговаривать горничной и, судя по всему, никуда не собиралась уходить.

– Принеси ужин сюда, – велела она, чем полностью перекрыла мне дорогу к отступлению.

Глупо было бы появиться перед ней с независимым лицом «где-хочу-там-и-хожу». Если она скрывала потайную комнату, то это вполне могло быть причиной, почему Белоснежка, сунувшая нос не туда, куда следовало, кубарем полетела с лестницы. Хорошо, что я «потеряла память». Успокоила Урсулу до поры до времени.

– Не уходи! – приказала мачеха вернувшейся из кухни

служанке. Я слышала, как Ланца выкладывала посуду на стол. – Поможешь переодеться ко сну. Жди у лестницы.

Где обычно переодевается женщина? Там, где хранятся ее вещи. Я окинула быстрым взглядом шкафы и полки. Наверняка мачеха вновь наведается сюда, поэтому и не погасила свет. Я заметила висящие на плечиках халаты и красивые нижние рубашки.

Пришла пора выбирать. Или хотя бы отсидеться в потайной комнате, если там не будет второго выхода.

– Сим–сим, откройся! – прошептала я, проводя рукой по шелковым обоям, чтобы найти щель, куда я могла бы сунуть пальцы. Раз механизм заржавел, придется постараться бесшумно сдвинуть его с места.

Дверь поддавалась усилиям, и я открыла ее буквально на сантиметр, одновременно прислушиваясь к тому, что происходит в гостиной, и к шорохам в потайной комнате. Меня трясло от напряжения. Я немного подождала, цепенея от страха, что чье–то лицо посмотрит на меня в щель. Но когда этого не случилось, я уверовала, что комната пуста.

Приложив больше усилий, я открыла достаточно, чтобы проскользнуть внутрь. Как только я ступила в небольшое безлюдное помещение, зажглась лампа. Я замерла от неожиданности, как заяц, попавший в свет фар. Она висела в углу и давала мало света, но я была благодарна и такому освещению, так как не придется наткаться на стены, словно слепому котенку. Я поторопилась закрыть дверь.

Я не ошиблась, когда предположила, что мачеха прячет здесь зеркало. Оно выглядело внушительным. Большое, в человеческий рост и в тяжелой раме, зеркало было под углом прислонено к стене. Точно напротив него стояло глубокое кресло с наброшенным на него пледом.

– Значит, все–таки не любовник, – прошептала я, видя, что комната не приспособлена для отращивания рогов у генерала. Придется переждать, пока мачеха не уснет, и только потом попробовать выбраться.

Здесь было холодно, поэтому я укуталась в плед и опустилась в кресло. Зеркало моментально озарилось внутренним светом. Я от испуга поднялась. Оно потухло. Я опять села, и серебристая гладь вновь осветилась. Два предмета скудного интерьера явно были связаны.

– Что–то случилось?

Я запаниковала, когда услышала мужской голос, доносящийся из зеркала. Бежать или прятаться в крохотной комнатке было бесполезно. Поэтому я пониже натянула на голову плед и скукожилась в кресле.

– Нет, – выдохнула я, стараясь подражать жеманному голосу мачехи.

Через некоторое время в зеркале появился мужчина. Под стать самой Урсуле. Если бы меня не трясло от страха быть разоблаченной, я бы пялилась на жгучего брюнета во все глаза.

Высокий и статный, он был в полу–расстегнутой белой ру-

башке, выпущенной из облегающих сильные бедра бриджей. Он явно готовился ко сну, потому что продолжал лениво вытаскивать пуговицы из петель. Когда он покончил с ними, я увидела мощную грудную клетку.

Я ошибочно определила время, в которое попала, как средневековое. Судя по той одежде, которую я наблюдала в гардеробе мачехи и теперь на этом мужчине, век скорее был семнадцатый или даже восемнадцатый. Никаких шнуровок, рубах–камиз и мужских чулок–шоссос. Уже были изобретены пуговицы и крючки, а наряды отличались изысканностью.

– Урсула, иди спать, – устало сказал он. – Встретимся на балу.

Я выбралась из кресла и направилась к двери, делая вид, что собираюсь уйти. Я поняла по шелесту рубашки, что мужчина сдергивает ее с себя. Не в силах преодолеть любопытство, я оглянулась. Он стоял ко мне спиной, и я успела еще до того, как померкнет свет в зеркале, оценить размах плеч и крепость ягодиц. Значит, все–таки любовник, являющийся Урсуле через портал. Ну не просто же они пялились друг на друга, как во время видеоконференции? В том, что они тесно общаются, я нисколько не сомневалась. У меня появился козырь.

Теперь я боялась сесть в кресло, чтобы не вызвать интерес темноволосого красавца к себе. Я уже жалела о затее разобраться с мачехой, так как мне предстояло провести на ногах полночи, пока она не уgomонится. Но Урсула опять разбуше-

валась. Даже здесь было слышно, как она кричала и раздавала пощечины. Что же за характер такой стервозный?

Бедная Ланца. Она плакала и молила о прощении. Нет, это не мачеха, а какой-то монстр. В той сказке, которую я знала, она даже выглядела привлекательней.

Урсула, судя по тому, что я стала слышать ее лучше, влетела в гардеробную.

– Курица! Теперь придется мыться! Марш греть воду!

В груди загорелась надежда, что мне не предстоит бессонная ночь. В господских покоях не было ничего похожего на ванну, а значит, Урсула сейчас уйдет.

– Простите, я нечаянно опрокинула, – плакала горничная. – Я все отстираю и до утра высушу.

Слышно было, как хлопают дверцы шкафов. Видимо, Урсула нервно выбирала сменную одежду.

Вскоре крики стихли, и я воспользовалась моментом, чтобы покинуть западню. Когда убегала, краем глаза заметила, что перевернутая супница испачкала не только одежду, но и шелк дивана. Бедная Ланца, ей предстояла работа на всю ночь.

На цыпочках, все еще боясь надеть башмаки, я чуть ли не кувырком скатилась по лестнице. По коридору бежала быстрее лани. И конечно же, заблудилась. Хорошо, что появилась Ида и, схватив меня за руку, молча поволокла в сторону. Заговорила, когда мы оказались в моей комнате.

– Какой черт понес вас в господские покои? – спросила

она шипящим шепотом. На Иде не было чепца, волосы рас-
трепались, и рыжие кудряшки прилипли к потному лбу.

– Вы знали, что я там?! – я вытаращила один глаз.

От пережитого страха, я забыла, что у меня опухла поло-
вина лица.

– Конечно. Слуга, который встретился вам, шепнул. При-
шлось придумать, как вытащить вас оттуда. Во второй раз
ведьма не пощадила бы.

Глава 4

Я окончательно расстроилась.

– Бедная Ланца специально перевернула супницу? – я ужаснулась, что по моей вине страдает милая служанка.

– Конечно. Она помнит, как вы были добры к ней. Сейчас особенно видна между вами разница, – кухарка рукавом вытерла лоб. – Тут никакие прибавки к жалованью не помогут.

– Я даже не знаю, чем отблагодарить Ланцу. У меня есть деньги? Или что–то ценное, чем я могу пожертвовать?

– Откуда? Разве по платью, доставшемуся вам еще от ма-тушки, не понятно, что даже я богаче вас. Все держит в своих руках мачеха.

– А как же папа? Почему он не заботится обо мне?

– Каждый месяц деньги присылает, а что толку? Вам даже не дают потрогать кошель.

Я села на стул и опустила лицо в ладони, в полной мере ощутив безрадостное существование Белоснежки.

– Да что же за жизнь у меня такая? – мой голос звучал глухо.

Мне–то что, я завтра проснусь у себя в квартире. Хорошо, если не лежащей на полу, а Снежке каково?

– А если написать отцу письмо и все объяснить? – я подняла голову и с надеждой посмотрела на Иду.

– Разве ж вы не пробовали? – она вздохнула. – Урсула

зорко следит. Потом опять до синяков защиплет.

– Меня часто бьют? – я ужаснулась.

– Бывает. А когда генерал весточку присылает, что возвращается, ведьма лекаря зовет. Требуется, чтобы вылечил. Мол, Белоснежка неловкая, то стукнется, то упадет. Как будто мы не понимаем, откуда что появляется.

– И я, как последняя овца, молчу? Ничего отцу не рассказываю?

Я уже не стала спрашивать, почему молчит лекарь. Или сама тетушка Ида. Могла бы шепнуть генералу, но наверняка боится скандала. Хорошее место при господах потерять легко.

– Урсула чем-то вас держит. Не скажу, чем, вы девушка скрытная, но то, что она имеет власть над вами, заметно по вашим испуганным глазам. И нам запрещено рот открывать, мы вам обещание давали.

Ого! Меня шантажируют! Интересно, что эта робкая Белоснежка могла натворить? И спросить не у кого.

Я поднялась и нервно заходила по комнате.

– Хватит бегать, – строго одернула меня тетушка Ида. Поняв, что переборщила по моему нахмуренному взгляду, словно ребенку пояснила: – Спать пора. Сон лечит. Может, к утру ваша головушка прояснится, и все станет, как прежде.

– Ничего уже, как прежде, не будет, – сказала я, скорее себе, чем кухарке.

– Вам помочь раздеться? – скрыв ладошкой зевоту, спро-

сила добрая женщина. Мне стало невыносимо стыдно. Это я – молодая лошадка, могу лечь за полночь, а кухарка с раннего утра на ногах.

– Нет, спасибо, тетушки Ида, – я обняла ее, чем вызвала еще большее недоумение. Кухарка горестно вздохнула и покачала головой. Не принято господам обниматься со слугами.

Когда я осталась одна, сняла с себя платье. Аккуратно повесила на стул. Оглядевшись, заметила за дверью тумбочку с кувшином и медным тазом. Умылась холодной водой, но не решилась чистить зубы. Щетки я так и не нашла, но даже если бы та стояла в стакане, все равно отказалась бы пользоваться чужой. Но зубы хотя бы пальцем почистить стоило.

В ящичке тумбочки я обнаружила склянку с белым порошком. Мне показалось, что я узнала запах мела. Надо бы завтра спросить, для чего он нужен. Таз чистить?

Я рассмеялась. Какое завтра? Меня здесь уже не будет. Хорошего понемножку.

Перед тем, как лечь спать, я порылась в шкафу и нашла чернильный прибор и пачку плохой бумаги. Чтобы хоть как-то очистить душу, утонувшую в переживаниях за Белоснежку, я написала ей записку.

«Милая Снежка!

Держись! Будь храброй, и все у тебя получится. Хочу дать тебе козырную карту в руки: знай, что в секретной комнате за гардеробной твоя мачеха прячет зеркало. Через него она

общается со своим любовником. Вполне возможно, что они плетут против тебя и твоего отца интриги. Надеюсь, эта тайна поможет тебе противостоять Урсуле.

Доброжелатель».

С непривычки пользоваться гусиным пером, я богато украсила послание кляксами. Просушив чернила, свернула бумагу и сунула ее в один из шерстяных носков. С чувством исполненного долга, забралась в постель.

В комнате было холодно, и я пожалела, что разделась. За окном разыгралась самая настоящая вьюга. Ветер кидал хлопья снега в окно так рьяно, что оно сотрясалось от каждого удара. Я накрылась шерстяным одеялом с головой. И хоть подо мной неприятно шуршала солома, а зубы выбивали морзянку, я так за день набегалась, что быстро уснула.

Утром проснулась от жуткого холода. Я выдохнула и поразилась, что изо рта идет пар. Протерев глаза, закричала от досады: я по-прежнему была в комнате Белоснежки.

– Нет–нет–нет! Не может быть!

Я скинула с себя одеяло и опустила ноги. Пол был ледяным. Я похлопала себя по щеке – вторая болела, но комната никуда не делась. Сунув руку под тюфяк, нащупала зеркальце. Из него на меня смотрела алкоголичка, половина лица которой почернела.

– Ну не так же сильно я ударилась о косяк, чтобы иметь такие последствия! – в отчаянии прошипела я своему отражению, все яснее понимая, что я в коме. А как иначе объяс-

нить все то, что происходит со мной?

Из-за набрякших слез серебристая поверхность зеркала пошло рябью. Я зло смахнула их с глаз, но ничего не изменилось. Я будто смотрела в воду, по которой шли круги.

– Все пройдет, ведь ты прекрасна. Не лей слезы понапрасну, – я едва не выронила зеркальце, не сразу поняв, что мужской голос доносится оттуда.

– Кто вы? – выдохнула я, но рябь прошла, и зеркало ответило тишиной. Сколько я его ни трясла, видела лишь себя заплаканную.

– Вы уже встали? – на пороге появилась тетушка Ида с подносом. Увидев жуткие изменения на моем лице, она поцокала языком. – Все же надо было кровь пустить.

Я тряслась от холода и осознания, что застряла в сказке. Нет, я не в коме, я в Кащенко. А что? Бывает же, что шизофрения проявляется неожиданно? Сильный стресс, усталость, ушиб головы. Я потрогала височную кость, но она на ощупь была цела.

Выходит, время здравого ума вышло, и нате вам, девушка, галлюцинации.

– Чем у вас чистят зубы? – спросила я, хватая со стула платье. В дурке я или нет, но во мне жила потребность к гигиене.

Кухарка полезла в тумбочку и вытащила оттуда склянку с белым порошком.

– Это мел?

– Если не желаете мелом, я принесу измельченный березовый уголь. Тоже очень хорошо чистит. Зубы белые–белые, – Ида широко улыбнулась, чтобы показать, что чистила как раз им.

– А щетка где? – я уже не пыталась что–либо осмыслить. Принимала все на веру. Бред – он такой.

– Какая щетка? Тряпочку наматаете на палец, в мел обмакнете и трите, пока зубы скрипеть не начнут, – резво наклонившись, она извлекла из тумбочки туго свернутую тряпицу, явно бывшую в употреблении. Меня затошнило.

– А чем у вас стирают?

Она показательно вздохнула.

– Тем же, чем у вас. Щелоком, а если лето на дворе, то соком мыльнянки.

– Я бы хотела прокипятить эту тряпочку, прежде чем чистить ею зубы, – я очень надеялась, что мой больной мозг будет помнить хотя бы основы дезинфекции.

После завтрака больную пришел навестить лекарь.

– М–да, – сказал он, ощупывая мое лицо.

Я морщилась. И лихорадочно размышляла. Меня не покидало чувство, что я не должна бездействовать. Уныние никогда не было мне присуще. Энергия кипела и искала выхода.

– Скажите, гер Брюнольф, а нет ли такого средства, чтобы снять с лица синеву? Пусть бы процесс выздоровления шел сам по себе, а снаружи я выглядела как обычно.

– Что, жалко пропускать бал? – он улыбнулся. В его глазах светилось сочувствие.

– Да, – откровенно призналась я.

– Даже если я сделаю смесь бадяги с маслом, потребуется время. До вечера точно не рассосется.

– К чертям бадягу. Магия, мне нужна магия, – горячо возразила я, хватая лекаря за руку.

В сказке я или нет? Если даже старое потертое зеркальце со мной заговорило, то чудо возможно. Да–да, я помнила, что вижу галлюцинации, но пыталась хоть как–то управлять ими.

– Она сильно изменилась, – гер Брюнольф обернулся к двери, где застыла, ожидая распоряжений, тетушка Ида.

Мне было неловко ее задерживать, ведь у кухарки своих дел полно.

– Где наша робкая овечка? – пропела со слезами в голосе Ида.

Я закатила глаза. Даже слуги считали меня овцой.

– Хватит слез и стенаний, – сказала я. – Я должна пойти на бал. Что хотите делайте. Пускайте кровь, капайте в глаза соком белладонны, натирайте лицо ртутными белилами...

Я осеклась, увидев, как на меня смотрят эти двое. Кажется, я переборщила.

– У меня есть одно магическое средство, – осторожно произнес лекарь. – Но его действие кратковременно. Вам удастся сохранить лицо всего на час. Повторно пользоваться нель-

зя, оно усугубит ситуацию и приведет к безвозвратным...

Я сделал нетерпеливый жест рукой, заставив Брюнольфа замолчать.

– Во сколько начинается бал? – я посмотрела на Иду, но ответил лекарь.

– Бал в девять, но объявление дебютанток состоится в одиннадцать.

– А сколько добираться до королевского дворца?

– Ну за пару часов на хороших лошадях, – лекарь догадывался, куда я гну.

– Урсула заказала карету на пять, – поспешила сообщить Ида. – Хочет выехать засветло.

Я опять почувствовала себя Золушкой. Тайные сборы, красивое платье, загадочная незнакомка, ведь мне придется накинуть на лицо вуаль, чтобы с боем часов никто не увидел, что я превратилась в тыкву. Пусть в двенадцать волшебство развеется, пусть Белоснежка будет самой красивой всего час, но она попадет на бал.

– Гер Брюнольф, мне нужна ваша помощь. У вас есть карета? Небольшая, пассажиров будет всего двое – вы да я, – увидев, что он кивнул, я продолжила: – Примените ваше чудодейственное средство, когда мы прибудем во дворец, чтобы я не потеряла ни минуты. Удивим Урсулу, а? И ровно в двенадцать ждите меня у лестницы.

Я ни разу не была во дворце, но по фильмам помнила, что к ним обязательно ведет парадная лестница, куда, в зависи-

мости от эпохи, подъезжают кареты или автомобили.

Мои помощники с сомнением переглянулись. А мне нечего было бояться. Когда я в бреду, я могу творить все, что хочу.

Видя мою решительность, меня не стали отговаривать. Но лекарь настоял, чтобы лицо намазали бадягой. Пусть эффект будет небольшой, но хотя бы воспаление уберем. Эх, надо было пустить кровь вчера.

После обеда из кухни прибежал Абель и предупредил, что мачеха собралась меня навестить. Она хотела убедиться, что я смирилась и по-прежнему ничего не помню. Не знаю, что из этого для нее было важнее. Я подозревала, что ее вполне устроил бы вариант, если бы я навсегда исчезла.

Глава 5

Урсула вошла без стука и застала меня лежащей в постели. Ее глаза на мгновение расширились, когда она увидела во что превратилось мое лицо. Я оказалась хорошей актрисой: по моей щеке медленно ползла слеза.

– Как ты, милая?

– Болит. И голова кружится, – прошептала я, закрывая глаз. Боялась, что Урсула по единственному уцелевшему прочтет мое презрение к ней.

Мачеха уже сотворила прическу – высокая башня из темных волос сверкала, будто новогодняя елка. Но надо отдать должное, блеск бриллиантов и сапфиров только подчеркивал нежность кожи и натуральный румянец. Кое–кто в генетической лотерее выиграл главный приз. Правда, не раз уронил его в грязь.

Урсула тоже умела пользоваться театральными приемами. Печально вздохнув, взяла меня за руку.

– Мне придется съездить на бал. Хотя бы для того, чтобы объяснить, почему дочь генерала не почтила мероприятие, устраиваемое королем. И портниха расстроится, что ее прекрасное платье не пригодилось. Но я хотя бы свое покажу.

– Я понимаю, – произнесла я искусанными губами.

– Мне очень жаль, – сказала Урсула и покинула комнату.

Весь дом стоял на ушах, когда графиню готовили к балу.

Я уже и не чаяла, когда она уедет. Мне тоже пора было наводить блеск. Я не собиралась крутить на голове башню. Достаточно было завить локоны и побрызгать их слегка подслащенной водой, чтобы те быстро не разлетелись. За неимением лаков, приходилось вспоминать бабушкины методы.

Я в окно наблюдала, как карета, запряженная четверкой лошадей, тяжело выехала за ворота. За ночь намело, и как слуги ни старались, расчистить двор не сумели. Что уж говорить о дороге. Я не видела повозку лекаря, но очень надеялась, что мы не увязнем в сугробе.

Когда кухарка и Ланца убедились, что хозяйка уехала, и никакая беда не вернет ее назад, они пришли в мою комнату. Им так хотелось, чтобы я была красивой, что они применили все свое умение. Не пришлось пользоваться сахарной водой. Горничная справилась без нее: уложила на затылке с помощью шпилек волосы, оставив часть локонов лежать на спине.

– Как же красиво они блестят, слово золото, смешанное с серебром! – воскликнула Ида, любуясь мной.

Раздетая до нижнего белья, я стояла на подушке, которую бросили на пол, чтобы не мерзли ноги. Белого цвета чулочки подхватили под коленками голубыми атласными лентами. Тонкая нижняя сорочки не скрывала моих выпуклостей. Корсет приподнял грудь и создал ложбинку между полушариями, которой у меня отродясь не было.

Ланца принесла платье. Сначала к корсету пристегнули фижмы – каркас, который придавал пышности юбкам. Сле-

дом надели их, количеством не меньше пяти. Для платья пришлось поднять руки вверх. Служанка, встав на стул, опустила на меня воздушное облако из шелковой ткани. Когда все ленты были затянуты, а крючки нашли вторые половинки, я надела туфли из серебристого атласа.

– Ну как я вам? – спросила я, покружившись, чтобы проверить, не провисают ли юбки.

– Лунная принцесса, – восхищенно выдохнула Ида, сложив ладони на груди.

– Ах, если бы это был карнавал, мы могли бы надеть на вас маску. Повеселились бы, не боясь никого напугать, – бесхитростно выдала Ланца. Кухарка на нее шикнула.

– Гера Брюнольф приехал? – спросила я, чтобы избежать неловкой паузы.

– Да, карета уже час как стоит внизу, – успокоили меня. Я подхватила подол и поспешила покинуть комнату.

– Куда же вы раздетая? – остановила меня Ланца. – На улице мороз, надо что–нибудь накинуть сверху. Правда, Урсула уехала в вашей лисьей шубе ...

– Вот же гадина, – вставила Ида. – Все себе захапала.

– Но я вытащила и просушила плащ вашей матушки. Графиня Ингрид любила красивые вещи.

– Плащ? Я не замерзну? – я представила нечто тонкое и широкое.

– О, нет, он с капюшоном и подбит песцовым мехом.

По ее зову в комнату вошел мальчишка Абель. На его вы-

тянутых руках висел атласный белый плащ.

Мех пах лавандой и приятно щекотал щеки, когда мне на голову накинули капюшон. Он был глубоким, и я надежно спрятала под ним лицо.

Гер Брюнольф маялся в холле. Увидев меня, заулыбался и подал мне руку.

– Вы не забыли свое колдовское средство? – поинтересовалась я, кладя пальцы в протянутую ладонь.

– Нет, что вы! Как я мог?

– Голубка и ворон, – вздохнув, сказала Ида. У нее на глазах навернулись слезы.

Мы и вправду так выглядели: я белая и воздушная шла под руку с сутулым человеком в черном.

Кухарка с Ланцой и Абелем вышли на порог, чтобы проводить нас. Я с беспокойством обернулась на дом и заметила в окнах слуг, которые смотрели на нас.

– Не переживайте, они не выдадут, – понял мой страх лекарь. – Они все работали еще при вашей матушке и остались преданы ее дочери.

– Я впервые вижу дом снаружи, – сказала я, забыв, что я Белоснежка. Здание выглядело величественным. Три этажа с башенками, арками и украшениями из мрамора. Я осеклась, но доктор понял правильно.

– Однажды память вернется. Я уверен, – он повел меня по лестнице, устланной ковровой дорожкой. И опять я видела в этом заботу слуг. Не хватало еще вместе с доктором проехать

вниз на спинах.

– Спасибо вам, – я сжала его руку. Милый доктор пригнал карету, поставленную на полозья.

– С такими санями нам не страшен никакой снег. Домчим с ветерком, – улыбнулся он мне в ответ.

Настроение потихоньку переходило в праздничное. Я предвкушала, как появлюсь на балу. Мачехе не по силам будет выгнать меня оттуда. Прилюдный скандал – это не то, к чему она стремится, ведь она хочет выглядеть истинной леди. Но я была готова к тому, что она сделает мне подножку. В отличие от меня, она поднаторела в дворцовых интригах.

Пока мы ехали, гер Брюнольф всю инструктировал «беспамятную дебютантку». Теперь я знала, как выглядит король и как его зовут. Как я должна вести себя, когда меня представят. Перечислил танцы, их порядок и правила этикета.

– Вы думаете, за этот час я успею потанцевать не с одним партнером? – фыркнула я на его предупреждение, что нельзя принимать больше двух приглашений от одного и того же кавалера.

– Уже хорошо, если вы будете знать.

Мне не хотелось расстраивать старика. Я просто не представляла, как танцевать лендлер или шуплатлер, и даже названий таких не слышала. Я взбодрилась, когда он перечислил среди прочих труднопроизносимых танцев «медленный вальс». Это я могу. Это я умею. С торжественным проходом

и грациозным наклоном головы. Разучивали перед выпускным в школе.

– Откуда вам так много известно о бале дебютанток? – удивилась я, когда Брюнольф чуть ли не поминутно расписал, что будет происходить во время того часа, когда мое увещье прикроет «волшебная маска».

– У меня пять дочерей, – улыбнулся он. – И последняя проходила представление королю в прошлом году. Я сам не из знатного рода, но мне повезло жениться на вдове из старинной и почитаемой при дворе семьи. Поэтому все девочки получили приглашения. Две старшие не мои, но я полюбил их всей душой и на правах отца сопровождал на всевозможные торжества. Теперь они взрослые леди, подарившие мне милых внуков.

– Как же мне повезло, что судьба свела с вами, – с чувством произнесла я.

Гер Брюнольф правильно рассчитал путь, и мы прибыли во дворец в десять сорок пять. Я слышала, как куранты отбивали последнюю четверть. На воротах спросили мое имя и, найдя его в списках, пропустили.

К парадной лестнице подъехали ровно в одиннадцать. Мы были из опоздавших, поэтому не пришлось ждать очереди. Бал вовсю шел, оставалось только представить дебютанток королю, и я, даже сидя в карете, слышала, как громко выкрикивали их имена.

– Не переживайте, вы не потеряете ни минуты, – успокоил

меня лекарь, доставая из кармана крохотную бутылочку. Откупорив ее, он попросил: – Закройте глаза и глубоко вдохните. Не бойтесь. Эти капли не зря называются «Прекрасные мгновения».

Я боязливо заглянула в склянку, осторожно взяла и поднесла к носу. Пахло лесом и цветами. Я с удовольствием втянула свежий запах.

– У меня покалывает лицо. Особенно та, больная половина, – я дотронулась до щеки пальцами. – Так и должно быть?

– У вас нет с собой зеркальца? – спросил гер Брюнольф.

Получив отрицательный ответ, он сунул руку под сиденье и вытащил свой саквояж. Покопавшись в нем, протянул мне зеркало. Я не сразу взяла его, понимая, каким целям оно служило. Наверняка лекарь подносил его к устам больных, чтобы понять, покинули души их тела, или жизнь еще теплится.

Старик прибавил в лампе яркость, и я все же взглянула на себя. Любопытство пересилило.

– Чудеса, – сказала я, разглядывая свое отражение. – Я стала лучше прежней. Смотрите, как блестят глаза. А губы! А румянец! Тут никакой косметики не надо!

– Косметики? – доктор выцепил незнакомое слово, но махнул рукой, чтобы я не пускалась в объяснения. – Магические изменения удивительны, но, увы, скоротечны.

– И часто ваши дочери пользуются «Прекрасными мгновениями»? – я вернула зеркальце и нацепила на руку бисерную сумочку, в которой лежала малюсенькая книжка для за-

писей кавалеров для танцев. Все, как положено, чтобы дебютантка не чувствовала себя на балу невестребованной.

– Бог с вами, – старик покачал головой. – Они не стали бы.

– Настолько прекрасны?

– Э–э–э... – он смутился и не знал, что сказать, поэтому я насторожилась.

– Говорите, как есть, – я положила руку в кружевной перчатке на его предплечье.

– Иногда люди после смерти настолько плохо выглядят, что их родным больно осознавать, как тяжело те уходили. Одной капли в нос даже для долгой прощальной церемонии вполне достаточно. Черты лица при этом разглаживаются, а признаки болезни уходят, – заметив, как у меня в ужасе открылся рот и широко распахнулись глаза, старик смутился. – Простите, что не предупредил, но я не видел другого выхода. Вы так хотели побывать на балу.

– В бутылочке нечто опасное, поэтому вы попросили только вдохнуть? – я догадалась, почему срок «красоты» ограничивался часом. Концентрация магии при вдохе не та, как если бы я была покойникам.

Доктор подтвердил мои мысли.

– Усопшим нет разницы, яд или не яд, а вам еще жить и жить. Поэтому идите, не теряйте понапрасну время.

Запахнувшись в меховой плащ, я побежала по ступенькам лестницы, ведущей к входу в великолепный, блестящий огнями дворец. Передо мной открылись двери, и слуги в ли-

время приветствовали поклоном.

Я даже растерялась, когда моя фигура отразилась в многочисленных блестящих поверхностях. С меня тут же сняли атласный плащ и унесли. Я даже не успела запомнить лица слуги, чтобы потом спросить с него. Да–да, я впервые оказалась во дворце и понятия не имела, как все устроено.

Глава 6

Я поспешила к входу в бальную залу, но меня остановили.

– Леди? – спросил чопорный человек, стоящий за высокой конторкой. Перед ним лежала огромная книга.

Он обмакнул гусиное перо в чернильницу и застыл, ожидая, когда я представлюсь.

– Белоснежка, дочь генерала Шерба, – поторопилась сообщить я, видя, как на остром кончике пера собирается чернильная капля.

Человек в ливрее перевернул страницу и, найдя мое имя, поставил жирную галочку.

– Леди Белла Щерб, добро пожаловать.

Я моргнула, сообразив, что Белоснежка вовсе не имя, а милое домашнее прозвище. На самом деле она Белла. Надо же! И почему мне никто не сказал? Видимо, не догадывались, насколько сильно я «убилась».

Человек записал мое имя на карточке и передал ее расторопному малому, который кинулся к двери, у которой стояли дебютантки. Сунув ее распорядителю бала, слуга растворился в толпе.

– Миледи, проходите, иначе вы опоздаете, – подсказал человек в ливрее. Он дождался, когда высохнут чернила и хлопнул книгу. Я была последней из претенденток на внимание короля, желающей выслушать напутствие во взрослую

жизнь.

Я отмерла и поторопилась присоединиться к девушкам, нервно обмахивающихся веерами. Судя по всему, они уже успели потанцевать и теперь готовились предстать перед Его Величеством. Как объяснил гер Брюнольф, король появлялся на балу в одиннадцать и покидал его сразу после представления дебютанток.

Когда я осталась последней из дебютанток, распорядитель громко объявил мое имя. Я только собралась выйти на ярко освещенное пространство, чтобы оказаться в поле зрения гостей, как услышала голос мачехи.

– Ох, простите, Ваше Величество!

Мачеха не видела меня, но заставила обратить на себя внимание всего зала. Я усмехнулась, глядя, как резво она протискивается между придворными, чтобы пробиться к возвышению, на котором стоял трон. Даже я, не знающая правил этикета, была поражена ее поведением. Король еще не закончил беседу с предыдущей дебютанткой, покрасневшей от его внимания, поэтому оборвал свою речь на полуслове.

– Я забыла предупредить распорядителя бала, что моя любимая падчерица не сможет присутствовать на столь замечательном торжестве. Она занемогла.

Запыхавшаяся Урсула так низко присела перед королем в реверансе, что едва не распласталась на полу.

– Что с дочерью генерала Шерба? – король нахмурился

и нетерпеливым жестом услад дебютантку, загораживающую обзор.

Мачеха сорвала бедняжке единственную возможность быть в центре внимания. А ведь это был звездный час де-вушки, когда потенциальные женихи оценивали ее манеры, стать, цвет лица и умение вести беседу.

Как и описывал гер Брю (я сократила имя лекаря, чтобы хотя бы мысленно не произносить полностью), король был высок, статен и красив. Для мужчины пятидесяти лет он выглядел замечательно. Лавина каштановых волос, разбавленных сединой, яркий взгляд темных глаз, нос с горбинкой и тонковатые, но совсем не портящие его, губы. Я знала, что он хромал – получил ранение в крупном сражении, поэтому пользовался тростью.

Мачеха вызвала у него интерес. Я заметила, как по ней скользнул взгляд короля, начиная от башни из волос, кончая... прелестями, что так щедро выставила Урсула, намеренно не поднимаясь из низкого поклона.

Я знала, как она оказалась в доме генерала Шерба. Сиделка при его больной супруге была лишена возможности быть представленной королю в качестве дебютантки. Да и неизвестно, имела ли она дворянское звание. Но она нашла способ попасться ему на глаза, ловко отправив Белоснежку вниз головой с лестницы. Молодец.

Распорядитель растерялся, увидев, какую развернула деятельность дама, откликнувшаяся на мое имя. Я успокоила

его взглядом. Мне было интересно, как далеко она пойдет.

– О, ничего страшного, она уже поправляется! Белла такая неловкая! Она вечно бьется обо все углы. Хоть обшивай их подушками! Но предстать перед Вашим Величеством с опухшим лицом бедняжка не посмела, поэтому попросила извиниться перед вами.

– Я принимаю извинения, – произнес король, не отрывая взгляд от блестящей женщины. На его лице появилась легкая улыбка. – Поднимитесь, леди...

– Урсула, – промурлыкала мачеха.

– Урсула. Вы весьма милы. Генералу Шербу повезло. Оказывается, он умеет брать не только крепости врага. Надеюсь, вы весело проводите время? В вашей книжечке расписаны все танцы?

Я не заметила, чтобы король собирался ее пригласить, но мачеха рассудила иначе. Она намеренно создала ситуацию, когда ей не посмели бы отказать.

– Для Вас, Ваше Величество, у меня все свободно, – она эффектным жестом швырнула свою книжечку в толпу.

Король поднял бровь. Быстро оценив застывшие лица придворных, он кивнул, давая знать оркестру, что пора бы возобновить «танцевальную программу». Он оперся на трость, намереваясь встать. На лице мачехи засияла улыбка торжества.

Хорошо, что дирижер рванул не с места в карьер. Он постучал палочкой по пюпитру, призывая музыкантов приго-

товиться, и у меня появилось время заявить о себе.

– Объявляйте, – шепнула я распорядителю.

– Леди Белла, дочь Его Сиятельства графа Шерба, собственной персоной! – гаркнул он во всю мощь, и я шагнула в круг света.

Дирижер застыл с поднятыми вверх руками. Король перевел глаза с Урсулы на меня. Удивленный взгляд быстро сменился на заинтересованный.

Король встал. Обойдя застывшую с перекошенным лицом мачеху, он направился ко мне. В воцарившейся тишине гулко стучала по паркету трость. Я видела, что поведение короля вызывает у окружающих недоумение. Я и сама понимала, что правителю огромной страны не пристало встречать дебютантку, выходя к ней навстречу. Но он это делал!

Я не понимала, как себя вести, но не готова была поставить короля в неловкое положение, поэтому двинулась к нему навстречу. Почти побежала, чтобы показать, кто здесь главный, к кому я стремлюсь и перед кем должна склониться. В своем необыкновенном платье я выглядела легкой и хрупкой. Я чувствовала себя легкой и хрупкой против этого высокого и крепкого мужчины, припадающего на одну ногу.

Я отлично знала цену своей внешности, поэтому была удивлена настолько откровенной реакцией на свое появление. Возможно, все дело было в каплях «Прекрасные мгновения», возвращающих красоту даже покойникам. А может, королю больше нравились блондинки, чем брюнетки. Или он

так сильно обрадовался, что дочь славного генерала цела и блещет здоровьем, что поддался эмоциональному порыву.

Одно я знала твердо: сейчас Урсула выглядела лгуньей, посмевшей обмануть самого влиятельного человека королевства. Вряд ли после этого он захочет продолжить с ней знакомство. Если бы не мерный звук трости и мое учащенное дыхание, я наверняка услышала бы, как у нее скрипят зубы.

Вот так, милая Урсула, за все надо платить. Белоснежке всего лишь пару недель походить с синяками, а тебе путь к королю будет заказан навсегда. Уже не оправдаешься. Прилюдно несла чушь. Уж не знаю, чего она хотела добиться приватным знакомством с Его Величеством, но карты я ей сильно смешала.

Мы встретились с королем в центре зала. Я буквально упала у его ног и низко склонила голову. Он подал мне руку, принуждая подняться, и вдруг притянул к себе.

– Ну, здравствуй, крестница! – произнес он тихо – так, что слышала только я, и поцеловал меня в макушку.

Все встало на свои места. Для меня, но не для окружающих. Присутствующие по-прежнему не понимали, за что мне оказана такая честь. Но король на то и король, чтобы не отчитываться перед вассалами. На нас продолжали пялиться. Урсула, у которой даже через румяна проявилась смертельная бледность, не спускала с меня взгляда. Ее удивление было очевидно: как я могла так хорошо выглядеть, если

утром едва ли не умирала?

Видимо, ни генерал, ни сама Белоснежка не афишировали, что Его Величество был ее крестным отцом. Наверняка Снежка запретила старым слугам упоминать об этом, чтобы мачеха не давила на нее, ища предлог посетить дворец. Призналась же тетушка Ида, что юная госпожа не разрешала рассказывать генералу о поведении Урсулы.

Да и сам граф Шерб не был дураком. Я не знаю, по какой причине помалкивал генерал, но в его преклонном возрасте он точно не был любителем светских раутов. Как я поняла, ему проще было взять осадой крепость врага.

Я подняла глаза на короля и шепотом произнесла: «Спасибо!»

Он здорово меня выручил.

– Как ты? Я ждал, когда ты появишься. Не верил, что не придешь в такой важный для тебя день.

Он начисто забыл об Урсуле. Мы прошли мимо нее, как мимо предмета мебели. Краем глаза я заметила, как она ступевалась и поторопилась раствориться в толпе.

– Поговорим? Давно не виделись. Или хочешь потанцевать? Я не предлагаю свою кандидатуру. Слишком стар. Для тебя найдется кто–то поинтереснее.

– Поговорим, – с улыбкой ответила я. Когда еще выпадет такая возможность пообщаться с венценосным «родственником»?

Король кивком дал знать, что пора грянуть музыке. Она и

грянула, а мы с ним пошли за тяжелый занавес, где пряталась дверь. Она привела нас в просторный кабинет.

– Я не буду расспрашивать тебя об отце. Я и сам все знаю. Расскажи лучше, что за страсти плела твоя мачеха? – он жестом показал мне на кресло, куда я и опустилась, а сам занял место за огромным письменным столом.

– В нашем доме слишком крутые лестницы, и я иногда оступаюсь. Но в этот раз все обошлось.

Я не хотела жаловаться королю на мачеху. Пусть с ней разбирается генерал. Я в этом мире временный элемент и не вправе решать за Белоснежку. Но какая же у моего больного мозга богатая фантазия!

– Признайся, она не пускала тебя на бал? – король пытли-во смотрел мне в глаза.

– Ваше Величество, вам понравилось мое платье? – я встала и покружилась, уходя от ответа.

Король все понял, поэтому перестал меня пытаться.

Он рассеянно взял какой-то документ и скользнул по нему глазами. Улыбнулся.

– Сегодня я впервые подписал торговый договор с велеросами. Очень выгодный для моего государства. Возможно, мы заключим и военный. Нордов пора осечь. Поэтому я очень хотел бы, чтобы ты тоже познакомилась с ними, – он поднял на меня глаза.

Его взгляд стал пытливым. Король ждал моей реакции. Ему было очень важно, чтобы моя встреча с велеросами со-

стоялось. Я тоже не из глупых, поэтому сразу сообразила, что речь идет о более тесных связях с северными соседями. Жаль, что я так и не расспросила у гера Брю, кто такие велеросы и чего от них можно ждать

– Если Вашему Величеству будет так угодно, – я покорно опустила глаза.

Глава 7

У меня сжалось сердце. Король, желая заполучить северян в союзники, поставил на Белоснежку, поэтому так нетерпеливо ждал ее. А я со своим «не помню и не знаю» могу испортить ему планы.

– Я не буду представлять вас друг другу, – на лице Его Величества появилась хитрая улыбка. – Хочу понаблюдать со стороны, какой шаг сделают велеросы.

Я поняла. Король показал товар лицом, а теперь давал купцам время решить, пришлась ли я по душе. Бедная Белоснежка. Дома ею помыкала мачеха, а в любви ей придется слушаться короля.

«Глупая, тебя же сразу предупредили, что женихи на балу разбирают дебианток, как горячие пирожки. Забыла, что в старые времена о правах женщины и не слышали? Так нет, понеслась, желая утереть нос мачехе. Что ж, теперь веселись, пока за тобой наблюдают охотники заключать политические союзы».

Осталось только молиться, чтобы я не пришлась велеросам по нраву. Пусть король ищет другой способ заполучить союзника против нордов. А я... Я без чужой помощи определюсь, как мне жить.

Я вздохнула. Какую же кашу я заварила! Но кто знал, что в мои дела вмешается сам король? Тут поневоле задумаешься,

а не желала ли мачеха падчерице добра, запрещая ездить на бал?

«Вот так, милая Аня Голубкина, за все надо платить. В дурке ты, в коме или в сказке, любой неосмотрительный поступок имеет значение».

Когда мы выходили из кабинета, напольные часы пробили последнюю четверть перед полночью. Через пятнадцать минут действие «Прекрасных мгновений» прекратится, и я превращусь в тыкву на глазах у тысячи гостей. То-то будет торжествовать мачеха. Начнет выставлять из себя жертву и сокрушаться о подлости падчерицы, которая превратила ее в лгунью. Внимание короля, конечно, не вернет, но изменить мнение двора может.

Король довел меня до занавеса, отделяющего бальную залу от внутренних покоев.

– Прощай, Белла. Помни, я люблю тебя, – он притянул меня к себе свободной от трости рукой и поцеловал в лоб.

– Вы не вернетесь на бал?

– Нет нужды. С дебютантками я побеседовал, а остальное увижу через плафон на потолке.

Я не стала спрашивать, что за плафон. Подразумевалась, что Белоснежка знает о его существовании. Присев в прощальном поклоне, я вышла в зал. Здесь всюю шло веселье.

Подняв глаза к потолку, я заметила, что центральная люстра утопает в огромной стеклянной полусфере. Ее грани ярко отражали свет. Я не знала, как она работает, но пом-

нила одно: король скоро будет там. И если я хотела скрыть свою тайну, то бежать надо прямо сейчас. У меня нет времени разгуливать среди гостей, чтобы определить, кто из них велеросы, и как они ко мне относятся. Часы вот-вот пробьют двенадцать.

Я мышкой прокладывала путь к выходу, стараясь держаться за колоннами и обходить стороной судачащих матрон. До спасительной двери оставалось всего ничего, когда дорожку мне преградил мужчина. Я едва не наскочила на него, так неожиданно он появился.

– Разрешите пригласить вас на следующий танец, – сказал он, протягивая мне руку. – Я наблюдал за вами и знаю точно, что ваша книжка пуста.

Я вздернула нос, собираясь сообщить, что заполнила книгу заранее, но осеклась. Передо мной стоял тот самый незнакомец, которого я видела в зеркале мачехи. Я открыла и закрыла рот. На нас уже оглядывались, а любовник мачехи продолжал держать руку в приглашающем жесте. Ему вовсе не было неловко, что я так долго раздумываю. Он улыбался.

Грянула музыка. К моему счастью, нечто, похожее на вальс. Только поэтому я вложила свои пальчики в его ладонь. Один танец погоды не сделает. Ну сколько он продлится? Минут пять от силы? А после я уйду кавалера за прохладительными напитками, а сама поспешу к ждущим меня саням.

Войдя в круг танцующих, я была напряжена, но потом взя-

ла себя в руки и расслабилась. Вспомнила, что я в безопасности. За мной наблюдает сам король.

– Вы невероятно легко танцуете, – произнес любовник моей мачехи.

Мне следовало бы вернуть ему комплимент: несмотря на высокий рост, он был гибок и вел в танце безукоризненно, но я просто поблагодарила. Я ожидала подвоха. Наверняка его подослала Урусула. Что им от меня нужно?

А музыка все играла и играла, и, хоть волнение об утекающем времени не отпускало, я даже начала получать от танца удовольствие.

– И вот вы уже улыбаетесь, – заметил мой кавалер. – Помните, что бы вам ни сказал король, все будет хорошо.

«Зачем он упомянул короля?»

Я подняла на мужчину глаза и сбилась с шага. Нет, не потому что незнакомец был хорош – это я разглядела еще в зеркале в потайной комнате. В голове мелькнула мысль, а не велерос ли он?

От расспросов меня отвлекло покалывание лица, особенно в той части, которую я скрывала. Сначала едва ощутимое, оно перешло в жжение, словно я обгорела на пляже. Меня охватила паника. Я уже ненавидела этот бесконечный вальс. Впору было выпутаться из объятий мужчины и бежать из зала прочь. Но я знала, что ни один нормальный мужчина не оставит даму в беде. Он побежит следом. Хотя бы для того, чтобы выяснить, что случилось.

К моему счастью, дирижер сделал последний взмах палочкой, и музыка стихла. Кавалер повел меня к боковым колоннам. Между ними стояли кресла и диваны для отдыха и бесед. Но мне сейчас было не до разговоров.

На нашу пару все смотрели, и мне чудилось, что пялятся только на меня, так как мое лицо стремительно синееет, а глаз превращается в щелочку.

– Принесите, пожалуйста, воды, – выдохнула я, отворачиваясь от внимательного взгляда любовника мачехи.

Он кивнул и, усадив меня на кушетку, направился к столам, где подавали напитки. Я тут же соскочила. У меня не было ничего под рукой, чем бы я могла прикрыться, поэтому уходить следовало немедленно. Вновь заиграла музыка, а я все отчетливее слышала, как за окнами бьют куранты.

Почти не соображая от страха быть опозоренной, я выхватила у одной из матрон веер и побежала, прикрывая им лицо. Я слышала ее возмущенный голос, но у меня была одна цель – как можно быстрее покинуть дворец.

Лакей в ливрее все так же стоял за конторкой.

– Распорядитесь, чтобы вернули мой плащ, – сказала я дрожащим голосом. Я задыхалась и от быстрого бега, и от паники, обрушившейся на меня.

– Леди, с вами все в порядке? – спросил он, делая знак слуге. Тот неторопливо пошел в соседнее помещение.

– И побыстрее! – крикнула я вслед, готовая бежать за одеждой сама.

Я приплясывала от нетерпения и постоянно оглядывалась на дверь. Я чувствовала, что любовник мачехи или она сама вот-вот появятся. А слуга, как специально, медлил. Лакей смотрел на меня с нарастающей тревогой.

Я застонала, когда увидела выбегающего из зала здоровяка. Поздно было метаться. Не прятаться же за конторку? Заметив меня, он выдохнул и замедлил шаг.

– Я вас потерял. Что-то случилось? – спросил он издали.

– Мне пора домой! – выпалила я и не нашла ничего лучшего, как побежать.

Я выскочила на улицу раздетая. Слуги у дверей расступились с непроницаемыми лицами. Я понеслась по лестнице, молясь, чтобы не споткнуться. Мне хватило одного увечья.

Я оглянулась и увидела, что здоровяк все еще преследует меня. Он не бежал, но расстояние между нами сокращалось. Заметив, что у подножия лестницы замерли сани, он прибавил шага.

Слава богу, гер Брю был догадливым человеком. Он распахнул настежь дверь. Кучер тоже готовился стегнуть лошадей. Он даже занес руку с кнутом, ожидая, когда я нырну в карету.

Я не поняла, откуда взялись эти двое. Но когда я в очередной раз оглянулась на любовника мачехи, ставшего еще ближе, я налетела на них и едва не опрокинула. Чтобы самой удержаться на ногах, я была вынуждена убрать веер от лица.

Мне никогда не забыть, как широко распахнулись глаза молодого светловолосого мужчины, поймавшего меня.

– С вами все в порядке? – спросил он с тревогой в голосе.

– Вполне! – крикнула я и, выпутавшись из его рук, кинулась к карете.

Она тронулась, как только я запрыгнула в нее.

Меня трясло от холода и возбуждения. Гер Брю, несмотря на тряску, капал в мензурку успокоительные капли. Кучер понял команду однозначно и летел, не разбирая дороги. Меня мотало из стороны в сторону.

– Вы знали, что я крестная короля? – спросила я лекаря, махом выпив капли. По горлу растеклась горечь.

Гер Брю, заметно замешкавшись, вытащил из ящика под своим сиденьем плед и накинул мне на плечи.

– Да, знал.

– А тетушка Ида?

– И она знала. Но кроме нас никто. Мы были в храме, когда вас крестили. Господин Шерб не велел распространяться.

– А мачеха?

– Из-за нее и приказал молчать. Она бы с него не слезла. А ваш отец не хотел, чтобы Урсула докучала ему. И вам. И королю, – немного подумав, добавил он. – Крестины – это семейное дело.

– А разве он не считает жену членом семьи?

– Вас крестила покойная королева. Она была подругой

вашей матушки, а не Урсула. Генерал бережет память о них обеих, и не хочет, чтобы доверием, оказанным королем, пользовалась его вторая жена.

– Все так плохо? – я поняла, что хотел сказать лекарь. Мы не были той семьей, которую ставили бы в пример.

– У нас запрещены разводы. Иначе генерал давно...

Гер Брю не договорил.

– Боже, я неизвестно что подумала, когда король прилюдно поцеловал меня в лоб. А мачеха едва не умерла от досады...

Я кратко рассказала ему все, что происходило во дворце. Конечно же, упустив беседу с королем в его кабинете.

Лекарь слушал внимательно.

– Урсула чувствует, что теряет генерала, – сделал он вывод. – Она ищет ему замену.

– Но у вас же... то есть у нас же разводы запрещены, – напомнила я.

Лекарь покачал головой.

– На все воля короля. Он может дать разрешение. Но, как я понимаю, генерал не хочет обращаться к нему. Лучше отсидеться в пограничном гарнизоне, чем стать участником скандала.

– Но он же бравый вояка! – возразила я. – А тут вдруг трусил настоять на разводе с нелюбимой женщиной? Не верю!

– Как вы не понимаете? – лекарь протер стекла очков но-

совым платком и вновь водрузил их на нос. – Ваши шансы на хорошую партию резко упадут, когда станет известно, что ваш батюшка оскандалился со второй женой. Сейчас оба создают иллюзию, что у вас в доме мир и покой. Урсуле не хочется терять статус графини, да и те блага, что она имеет, а ваш отец знает, что такая дрянь будет судиться с ним за каждую тряпку. Развод – дело грязное.

Меня наконец перестало трясти. Меня бросило в жар. Я даже скинула с себя плед, хотя в карете было холодно.

– Урсула будет делать все, чтобы я не вышла замуж. Ведь в противном случае отцу нечего будет терять, да? – догадалась я. – Вот в чем причина, почему она противилась, чтобы я шла на бал дебютанток.

Глава 8

А ведь мачеха была права. Меня там ждали женихи. Стоило появиться на балу, как король намекнул, кого хотел бы видеть моим мужем. А если бы велеросы сказали свое «да», то со свадьбой король тоже не затянул бы. Руки генерала тогда были бы развязаны.

– Я думаю, да. Мачеха не даст вам выйти замуж, – кивнул гер Брю. – Ей нужно время, чтобы отыскать новый кошелек. И чтобы деньги там были набиты плотно.

Я крепко сжала губы, вспомнив слова кухарки, что мачеха отняла у Белоснежки драгоценности ее матери. Возможно, их уже нет дома. Урсула всю готовилась к разводу.

– Сегодня она пыталась соблазнить короля, – я смотрела на реакцию лекаря. – И он едва не повелся.

Гер Брю вздохнул.

– Если бы Урсула стала фавориткой, она бы развернулась во всю мощь. С ее то норовом. Благо, она не догадывается, что генерала и короля связывает не только дружба, но и более тесные связи.

– Вы обо мне?

– Да. Король никогда не тронул бы жену графа, помня, что вы его крестница. Здесь даже сомневаться не стоит.

Я прикусила язык, чтобы не проговориться, что Урсула уже нашла замену генералу. Молодого и красивого. Но ко-

роль, безусловно, был лучше.

«Ах, как же сильно я ей насолила!»

Судя по тому, как дорого был одет ее любовник и какой величины бриллиант сверкал на его пальце, он не нуждался в деньгах.

«Хорошо она устроилась. С одной стороны денежки генерала, с другой – молодой кобель».

Но в чем-то он ее не устраивал, раз она поставила на короля. Хотя, кто может сравниться с королем по богатству и влиянию? Моя мачеха честолюбива. После генерала должен быть только король. Или кто-то равный ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.